

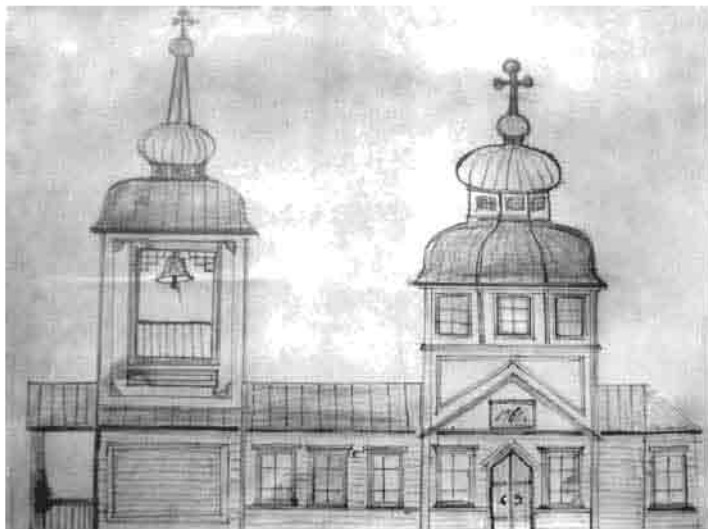
КОГДА ТВОИ ГЛАЗА ЗАСТИЛАЮТ СЛЕЗЫ

Третий арест отца Иоанна Оленевского пришелся на 1936 – 1937 год – канун так называемого большого террора. Уже совсем близки были самые суровые времена в истории Русской Православной Церкви, когда богоборческая власть одним махом раз и навсегда решит уничтожить религию в СССР. С июля 1937 года будет действовать секретный приказ Сталина № 00447, согласно которому по разнарядке начнется поголовное истребление мнимых врагов советской власти. Так советское правительство задумает поставить кроваво-красную отметину 20-летия Октябрьской революции. По всей стране жертвы большого террора будут исчисляться сотнями тысяч. В первую очередь на голгофу взойдет православное духовенство.

После закрытия церквей в Оленевке и Соловцовке верующих отправили в храм соседнего села Князевка, расположенного в 7 километрах от Оленевки, за лесом. Небольшой уютный деревянный храм был построен еще в 1765 году на средства владельца села князя Стефана Ивановича Путятина. Главный престол был освящен в честь Успения Пресвятой Богородицы, а устроенный позднее небольшой боковой придел – в честь Свт. Николая Чудотворца¹⁷⁸. В 1936 – 1937 годах храм еще действовал и здесь служил священник Павел Медведев. Отец Иоанн, горячо любивший храм Божий, имевший всегда высокое стремление к единению с Богом через Святое Причастие, как и многие верующие окрестных сел, был вынужден совершать поездки в князевскую церковь. К тому же, за отсутствием действующих церквей, в Князевку его направил и пензенский архиерей – Преосвященный Феодор (Смирнов), с которым старец находился в духовном общении.

Именно здесь, в Князевке сложились обстоятельства, послужившие мотивом для третьего ареста отца Иоанна, повлекшего за собой череду его тяжких страданий. Скажем сразу, что мотивами для ареста стало не что иное, как эпизоды обычной приходской жизни кня-

зевской церкви, носящие, по мнению НКВД, контрреволюционный оттенок. Это приезды отца Иоанна в Князевку на праздники Троицы и Успения, его остановки и ночлег у сельчан, богослужения, собрание верующих, пение духовных стихов и молитв.

Успенская церковь (рис.). Село Князевка

В первую очередь, 22 октября 1936 года, была арестована староста князевской церкви Дарья Герасимовна Ваганова. Родилась она в 1879 году, в селе Князь-Умет Петровского уезда Саратовской губернии*, в семье крестьянина-середняка. Была вдовой, детей не имела, занималась крестьянским трудом. С 1927 года была старостой церкви Св. Алексея Человека Божия в селе Князь-Умет. В 1932 – 1933 году арестовывалась, но не судилась и прав не лишалась. Последние годы была старостой в Успенской церкви села Князевка. Перед арестом проживала в Князь-Умете у двоюродной сестры, занималась пошивкой одежды. По мнению органов, «систематически проводила к/р агитацию среди населения против существующего строя, систематически устраивала спевки с разными лицами во внебогослужбное время в помещении церкви».

22 октября 1936 года в ее доме был произведен обыск. Изъято: Библия, акафисты, псалмы, Новый Завет, Псалтирь, Жития и труды святых, фотокарточка. После обыска Дарья Ваганова была доставлена в Пензенскую тюрьму и в тот же день допрошена. На первом допросе почти никого не назвала, больше ссылалась на то, что никого не помнит. Рассказала следователю стих на тему безбожного времени. Вот некоторые строки из него:

* Ныне Кондольского район Пензенской области.

«Церковь Божью поравняли уж с престолом сатаны
И театры выше храма чтут неверные сыны».

Признала себя виновной в том, что в церкви часто собирались религиозники и пели разные контрреволюционные песни по ее разрешению.

Жизнеописания подвижников. Село Князевка

24 октября на втором допросе Ваганова все еще говорит, что не помнит многих, но постепенно начинает называть имена руководящих лиц. В частности говорила: «Кроме меня разрешал петь к/р стих Калинин Иван Васильевич всем собравшимся на Троицу 12 июня 1936 года. Поп Медведев ругал за пение стихов. Во время своих приездов в село Князевку Калинин И. В. всегда останавливался у Киреевой А. Н. Кроме меня на квартире у Киреевой никого не было. Разговоров у нас с приходом Калинина на квартире у Киреевой А. Н. никогда никаких не было». Признала себя виновной лишь в том, что являясь председателем церковного совета, разрешала петь к/р песни по разрешению Калинина. В остальном виновной себя не считала.

24 октября, а затем 28 октября и 25 ноября была допрошена Анастасия Васильевна Зимина. Родилась она в 1894 году в селе Покрово-Березовка Кондольского района, проживала в селе Князевка, крестьянка-среднячка, колхозница. На допросе сообщила, что ходила к отцу Иоанну и назвала несколько имен.

24 октября допрошена Мария Фроловна Удалова. Крестьянка. Родилась в 1860 году в Князевке, где и проживает. На допросе рассказала стих и сообщила, что Калинин принимал поодиночке. Ходила к нему Евдокия Кучерова, которая, выходя из кельи, сказала, что «без благословения отца Иоанна я и платка не продам».

24 октября в Оленевке, в келье старца Иоанна был произведен обыск. Речь идет о последней келье старца на улице Колончик в Оленевке, которая сегодня является местом паломничества верующих. При обыске присутствовал председатель сельсовета Николай Павлович Климов, принимавший участие в закрытии церквей, и член сельсовета Иван Алексеевич Авдеев. Протокол обыска имеет большую ценность, поскольку содержит описание кельи и книг святого.

«Квартира из одной комнаты, которая представляет из себя модельню. В переднем углу комнаты висят двадцать две иконы разного размера от 80 см до 10 см. При входе в комнату за голановской печкой устроена постель (ложа) Калинина И. В. Над кроватью семнадцать штук икон разного размера от 80 см до 10 см. В переднем углу перед иконами лежит маленький коврик и горит лампада. В комнате еще имеется одна лавка, три табуретки и стол, висит одежда Калинина И. В. И более никаких предметов нет, кроме как книг свящ[енного] писания. Книги обнаружены в его квартире следующие: 1) Служебник, по словам Калинина И. В., что он по нем служил; 2) Молитвослов; 3) Жизнеописания подвижников благочестия; 4) История христианской церкви; 5) Как чудом Божиим строилась Русская Земля; 6) Жизнеописание блаженной старицы Евфросинии; 7) Житие Сергия; 8) Жизнеописание святого Александра; 9) Псалтирь; 10) неразборчиво; 11) Сказание о старце Серафиме; 12) Земная жизнь Пресвятой Богородицы; 13) Библия; 14) Свет от света; 15) Чудесное сновидение; 16) акафист Ивану; 17) акафист Богородице; 18) акафист Серафиму; 19) акафист Пантелеймону; 20) акафист Успению Богородицы; 21) акафист Софии; ... 23) Три книги без названия».

Авдеев показал, что «в квартире всегда бывают сборища. Калинин ведет образ жизни блаженного. На селе появляется редко, принимает всех паломников. Обнаружено 900 р. денег в разных местах, как сказал Калинин – пожертвование от граждан ему за служение. Обслуживает его сестра, гражданка с. Оленевки Калинина, которая считается хозяйкой этого дома (речь идет о двоюродной сестре Наталье – прим. авт.)».

Здесь несколько остановимся на книгах из библиотеки старца. Они свидетельствуют о грамотности и начитанности отца Иоанна в духовном отношении, его проникновенной любви к православному отечеству, святым и, прежде всего, святым русским. Особенно при-

влекает внимание небольшая книга с прекрасным названием «Как чудом Божиим строилась Русская Земля», впервые изданная в Москве в 1894 году. Она написана во славу святой православной Руси и, как следует из надписи на титульном листе, «Преподобному и Богоносному Отцу нашему Сергию игумену Радонежскому и всея России чудотворцу, Земли Святорусской и мира православного печальнику, во славу». В этой замечательной книге повествуется о дорогих русскому сердцу достопамятных событиях в истории Святой Руси, которая множество раз стояла на краю гибели от врагов ее, но всякий раз была спасаема Божественной десницей и так строилась и крепла на протяжении веков. Главная тема книги состоит в том, что Россия как оплот Православия пребывает под особым покровительством Господа Христа, Пресвятой Богородицы и особенно много раз сподоблялась заступничества преподобного Сергия Радонежского, величаемого игуменом земли Русской. Здесь описывается и чудо обращения нашего Отечества в Православие в 988 году, и жизнь и подвиги святых благоверных князей, божественное избавление Руси от безпощадного Мамай и железного Тамерлана, явление преподобного Сергия в Свияжске при взятии Казани и чудеса при осаждении Троицкой Лавры в 1610 году. А в последнем разделе кратко очерчен период царствования святого Самодержца Императора Всероссийского Николая Александровича как эпоха небывалого духовного подъема и одновременно – предвестие его мученичества. Наконец, как итог книги высказывается совершенно справедливая мысль, что сила русского народа – в страхе Господнем и процветание ее возможно, если она будет действовать во славу Божию. Книга была переиздана и в наше время, при Святейшем Патриархе Алексии II. В общем же, библиотека отца Иоанна помогает осмыслить, чем жил старец, в каком духе он пребывал, как печалился и молился о судьбе поруганного Отечества. И теперь, в 30-е годы Россия вновь стала свидетельницей большой беды и вновь ждала избавления. В это время и явился от Бога святой старец Иоанн Оленевский, чтобы, как и в стародавние времена, умиловитивить Бога и своими молитвами помочь выстоять исстрадавшейся Русской земле.

В день обыска, 24 октября 1936 года старец был арестован в третий раз. Арест производили сотрудники Кондольского отделения НКВД. Процедура ареста, как видно из документов и рассказов очевидцев, была довольно длительной. Во время обыска председатель Оленевского сельсовета успел дать на отца Иоанна краткую характеристику: «Калинин Иван Васильевич, уроженец села Оленевка. С детства занимается служителем культа. Имел собственный дом. Со дня революции лишен избирательных прав, а в 1929 г. раскулачен, изъято все имущество. Все время занимается духовным лечением». Похоже, что

в келье старца был учинен настоящий погром. Запугивания, ругань и унижения – вот что перетерпел старец в тот крестный день. Это был праздник Апостола Филиппа, единого от семи диаконов и Собор преподобных старцев Оптиных. Предание говорит, что одному из стражей порядка старец тогда предсказал скорую кончину, и милиционер действительно умер, чуть ли не на следующий день.

Молва об аресте старца быстро разнеслась по округе. Люди были потрясены случившимся. Темными осенними вечерами в крестьянских избах только и говорили, что об аресте отца Иоанна. Житель села Борисовка Александр Иванович Комаров, ставший впоследствии послушником старца, вот что поведал о тех событиях.

«Это был, кажется, 36 год, мне тогда было 7 лет, сам я не помню, мать мне рассказывала. Отец мой, Иван Семенович пришел с работы, со станции Ардым, вошел в избушку и говорит:

– Мать, знаешь ли ты Ивана Васильевича?

– Ивана Васильевича-то? Как не знать.

– Сейчас его провезли, только бороденка по ветру развеивается, по обе стороны – часовые с винтовками.

Когда отец поделился увиденным с одним из сельчан, тот сказал: «Ты видел, как его везли, а я видел, как его сажали. Иван Васильевич никак не мог в кузов залезть, так его за руки, за ноги размотали и

Источник мчч. Параскевы. Село Соловцовка

перебросили через борт, как овцу». Это осень была, погода стояла сырая, промозглая, а его раздетого в кузове стоя везли, напоказ, че-

рез все села, в Кондоль». *Как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец пред стрижушим его безгласен...* (Деян. 8, 32). Люди плакали, глядя, что делают со старцем, но поделать ничего не могли. Каждый боялся за себя – время было такое.

25 и 27 октября была допрошена Евдокия Андреевна Киреева, 1880 г. р., уроженка и жительница села Князевка, просфорница князевской церкви. Она рассказала стих и то, что его пели на источнике в Соловцовке с Удаловой Марией в июле 1936 года на праздник мученицы Параскевы. Также показала, что отец Иоанн, когда приезжает в Князевку действительно останавливается у нее. Последний раз он приезжал в сентябре 1936 года.

31 октября отец Иоанн показал, что действительно его посещают люди из разных сел, которые делятся с ним своим горем, приносят яйца, яблоки, деньги. Кто приходил – не помнит.

6 ноября отец Иоанн рассказал, что к нему действительно ходят из разных сел: Оленевки, «Солосцовки», Колопановки, Борисовки, Князь-Умета, Танеевки, Кондоля, Волхон-Умета, Волхонщино, из Шемьшейского района, из города Пензы и Сердобска и ряда других мест, откуда точно не помнит. Примерно в день бывает 2 – 3 человека.

Из Оленевки ходят Державины, Васина Евгения. Из Соловцовки – Ефремова Афимья, Кулакова Анастасия, Герасимова Пелагея Осиповна (староста церкви – прим. авт.), Акимова Евдокия Калистовна, Матвеев Матвей и др. Из Пензы ходит Шканова Евдокия Ивановна – домохозяйка архиерея Феодора. Из Князевки – Удалова Евдокия Андреевна, у которой неоднократно ночевал, Ваганова, которая давала отцу Иоанну денег. Из священников старец называет Рожкова, Валовского Сергея Васильевича, Касаткина, Покровского Николая, который служил в Соловцовке и Князевке, о. Павла (видимо, Рыжкина, из Телегино – прим. авт.). Из села Безсоновки (часть Борисовки) ходил Павел Кучин, которого старец лечил своим благословением (потом Кучин стал почтальоном в Борисовке). Из Пензы была Пиглицына Мария. Последний раз приходила 27 октября 1936 года и сообщила, что у архиерея был обыск и его арестовали.

Епископ Феодор (Смирнов)

18 ноября допрошена Мишина Евдокия Павловна, 1887 г. р., уроженка и жительница с. Кондоль, имела хозяйство, раскулачена в 1929 году. На допросе показала, что была в прислугах у священника Хорошунова (последний, довоенный священник села Соловцовка) и часто ходила к Калинин, так как Хорошунов велел носить ему обе-ды и стирать белье, да и сама навещала старца – ходила из Кондоля.

В Кондольском арестном доме оленевский старец томился один месяц и 5 дней. Говорят, по дороге туда он сильно застудился, потом лежал в тюремной больнице. Уже здесь, в Кондоле родственники и духовные чада навещали его, носили передачи. А 28 ноября, в первый день Рождественского поста болезненный старец был переправлен в Пензенскую тюрьму. Начался самый тяжелый период земного пути отца Иоанна, исполненный страданий и лишений. Безчеловечный режим, свойственный местам заключения сталинского времени еще более усугублялся возрастом и недугами старца, а его духовный сан всякий раз становился поводом для поругания.

В Пензе на отца Иоанна также была составлена краткая справка: «Калинин И. В., 1855 г. р. служитель культа – дьякон, из середняков. Окончил сельскую школу. В последнее время служил нештатным дьяконом в Князевской церкви. В 1931 г. хозяйство раскулачивалось, неоднократно привлекался к ответственности. Систематически вел контрревол. агитацию, квартира – сборище бродячего элемента. 28 ноября заключен в Пензенскую тюрьму».

В день поступления старец был в очередной раз допрошен и показал следующее: «Архиерей мне прислал только один раз по почте письмо, где мне и Князевскому попу дал указание, чтобы я служил в Князевской церкви. Других связей у меня с архиереем Федором не было». Из Князевки в Оленевку старца возил Иван Максимович Леонтьев*. И однажды по дороге Леонтьев спросил старца о колхозах. Отец Иоанн одним советовал вступать в колхоз, а другим – нет. Говоря о тяжелых временах с Матвеевым Матвеем Константиновичем, старец, якобы, сказал: «Какая это власть, мы, наверное, ее не переживем, и ее раньше не было. Сколько неприятностей от нее получают и вот от этого и испугов преждевременно люди идут в сырую землю». Из показаний также следует, что отец Иоанн давал разрешение петь канты в Князевской церкви – думал, что там после службы такие порядки. Сам же в это время был в алтаре. Однако позднее сам старец многое из сказанного опровергнет.

29 ноября на дополнительном допросе диакона тема коснулась стихов, которые пели в церкви и которые носили антисоветский характер.

* Леонтьев Иван Максимович, 1872 г. р., уроженец дер. Разореновка. Крестьянин. Имел свое хозяйство. В 1936 году возил отца Иоанна из Князевки в Оленевку.

30 ноября допрошена Карпова Анастасия Калистовна, 69 лет, уроженка и жительница Соловцовки. На допросе она показала, что Калинин заходил к ней между утреней и обедней* и говорил, что «сейчас людям живется плохо, нет хлеба, и люди от этого могут умереть с голоду. Раньше при старой власти люди жили лучше, имели свои хозяйства, хлеба бывало всегда помногу, а теперь люди своих хозяйств не имеют, и поэтому хлеба нет. Теперь люди пухнут с голоду, едят траву, а раньше всегда ели хороший хлеб».

2 декабря допрошена Дарья Ваганова. На допросе была краткой, держалась твердо. Виновной себя в другой к/р деятельности, кроме как в чтении стиха и разрешении на него, не признала. 21 декабря на допросе держалась удивительно твердо, показала: «Никакой контрреволюционной группы на территории Кондольского района я не знаю, и ее у нас не было».

В тот же день отец Иоанн был допрошен в пятый раз: «Ни в какой контрреволюционной организации я не состоял». Признал себя виновным в том, что к нему часто приходили граждане из разных мест и запрашивали его совета о том, вступать ли в колхоз или нет, и он отвечал иногда, что нет.

В результате следствия по делу были обвинены двое – Дарья Ваганова и старец Иоанн Калинин. В обвинительном заключении от 4 января 1937 года сказано: «Ваганова Дарья Герасимовна, работающая церк. старостой при церкви с. Князе-Умет** Кондольского р-на и диакон той же церкви Калинин, проживающий в соседнем селе Оленевка, будучи враждебно настроены к советской власти занимались среди населения к.-р. деятельностью, которая выражалась в следующем. Обвиняемая Ваганова Д. Г. по своей инициативе, для успешного проведения к.-р. работы избрала метод организации хорошего кружка вокруг церкви из числа верующих, главным образом женщин, которых и заставляла разучивать наизусть песни-стихи-канты, где наряду с религиозным содержанием, имело место сочетание явно к.-р. и провокационных формулировок, направленных против соввласти...».

11 января 1937 года для получения окончательного решения и вынесения приговора, дело было направлено в прокуратуру Куйбышевского края (Площадь Революции, д. 73). Но там, видимо, не спешили. А в феврале начальник Пензенской тюрьмы решил лично! просить областной суд г. Куйбышева ускорить дело, так как сроки заключения под стражей обвиняемых давно истекли. Такой поворот событий кажется по меньше мере странным, учитывая, что в 30-е годы советский судебный аппарат мог разбирать дела месяцами, что нередко заканчивалось смертью обвиняемых в ходе следствия. Так, находившийся в это же время под следствием епископ Фео-

* Речь идет о Соловцовке в мае 1936 года, т. е. тогда церковь еще действовала.

** Имелась в виду Князевка.

дор (Смирнов) провел в Пензенской тюрьме без малого год, после чего был расстрелян. Поэтому необычный шаг начальника тюрьмы в отношении старца Иоанна как-то не вписывается в обстановку того времени. Но к этому мы еще вернемся. А пока первое судебное заседание было назначено на 19 февраля. В этот день обвиняемые – старец Иоанн Оленевский и Дарья Ваганова должны были быть доставлены в здание суда, однако, – опять странность, – из-за отсутствия у начальника тюрьмы лошади, они не были доставлены. Начальнику объявили дисциплинарное взыскание и все перенесли на следующий день, 20 февраля, на 10 часов. Почему-то переиграли и эту дату, решили отложить заседание до 3 марта и уже сообщили свидетелям, но снова вернулись к 20 числу. Происходило явно что-то необъяснимое.

Наконец, 20 февраля 1937 года отец Иоанн и Ваганова были доставлены в здание суда. Явились и свидетели: Зимина Анастасия, Кружнов Яков Захарович, Леонтьев Иван и Киреева Евдокия. Не явились вызванные Удалова Мария и Карпова Анастасия. Судебное заседание возглавил председатель облсуда Даниэлос.

К этому времени болезненный старец был крайне измучен тюремным заключением, бесконечными допросами и телесными недугами. И, казалось, один только возраст должен был вызвать к нему снисхождение суда. Но нет, теперь тот, перед кем становились на колени и просили молитв, перед кем проливали слезы и теплили надежды, должен был предстать на этом унижительном суде и первым, стоя перед всем залом, дать показания. Читая строки его показаний, понимаешь, что ему было по-человечески тяжело, он почувствовал себя покинутым всеми. Это был шестой допрос на третьем аресте. Старец просто устал. *В уничтожении Его суд Его совершился* (Деян. 8, 33). Во всех его словах звучит лишь одна сердечная надрывная нота, это мольба оставить его. Но он все терпел ради Христа, памятуя слова святого апостола: *за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас* (Рим. 8, 36).

«Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю и поясняю: я знаю, что всякая Власть от Бога и Советской Власти я покоряюсь. В селе Князевке я служил два раза, паломничества я не признаю, и прозорливым я не был – это все ложь. Люди ко мне ходили с горем поговорить, вот из чего заключили, что я прозорлив, но им я никогда не был. Я сапожничал ранее и заштатным дьяконом лет 10 только.

Старец Иоанн

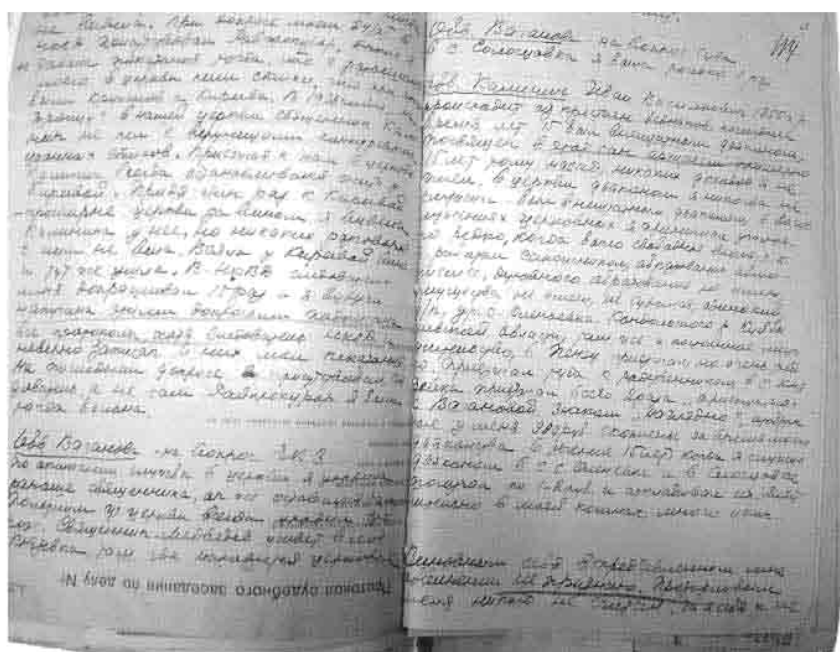
Матвеев у меня бывал, отдаст мне яблочки и ягоды и уйдет продавать, а куда не знаю. Сам я никуда не ходил и Анастасию Карпову совершенно не знаю. Я не говорил, что при Советской Власти плохо, а раньше было лучше, я больше сижу на кровати, и про Советскую Власть никому и ничего не говорил. Про колхозы Леонтьеву я ничего не говорил. Сам я аккуратный плательщик налогов и Советской Властью я доволен и совершенно ничего никому не говорил. Из церкви в с. Князевке я никуда не выходил и ни с кем не говорил. Про суд в Москве над Троцкистами я не слышал и не знал, я малограмотен и советовал идти в колхоз. В церкви я не разрешал кружку петь стихи, у них был свой священник и про этот кружок я не знал. Ваганову я не знал, но когда я был в Князевке, то узнал Ваганову как церковного старосту. Служил в селе Соловцовке, в Князевку ездил 2 раза».

Далее последовал допрос Дарьи Вагановой. «Понимает, в чем ее обвиняют, но виновной в предъявленном обвинении не признает и поясняет: «Служба в церкви была только по воскресениям, и хора у нас в церкви не было. Когда меня арестовали, то я просидела 13 суток и заболела*, на что у меня имеется справка врача, которую я суду предоставляю, может быть, я тут и подписалась к чему. Хора не было. Однажды пели старухи псалмы, но тут священник исповедовал, и он запретил им петь. Стих «Слава, слава...» я не знаю, и Соловьеву Любовь не знаю. Контрреволюционных стихов я не знаю и их в церкви не пели. В селе Соловцовке на праздник я была, я только зашла и постояла в отдаленности, т. к. шла мимоходом, и народ бывший там я не знаю. Я говорю правду. В церкви я находилась каждую службу – три раза я слышала, пели старухи молитвы и «Мира заступница» это такая же молитва. Калинина я не знаю, и связи с ним никакой не имела, был он у нас два раза».

Закончив допрос обвиняемых, суд дал слово свидетелям. Они мужественно защищали обвиняемых, свидетельствовали в их пользу. Так, хорошие показания дала Анастасия Зимина, которая никого не обвинила, а наоборот, как бы отвела от подсудимых грозовые тучи. Кто-то из свидетелей говорил, что в некоторых случаях протоколы были записаны неправильно или подследственные расписывались под ними, но не читали. В целом из их показаний следует, что диакон Иоанн действительно был в Князевке два раза. Приезжал на службы. Возил его Леонтьев Иван Максимович, которому 65 лет. Одна из поездок состоялась 15 августа 1936 года на Успение Божией Матери. В храме служил священник Павел Медведев. Сам старец не присутствовал при пении стихов, а после службы сразу уезжал. Ночевал в Князевке у Киреевой Евдокии Андреевны.

* Действительно во время заключения у Дарьи Вагановой обострился ревматизм, находилась на лечении с 13 по 22 ноября 1936 года.

По окончании заседания суд удалился и вынес определение отложить второе слушание дела до 3 марта 1937 года в присутствии недостающих свидетелей. Но 2 марта свидетелям объявили, что 3 марта являться не надо. Заседание было перенесено на 19 марта. Но в этот день большая часть свидетелей по разным причинам не явилась. Жительница Соловцовки Анастасия Карпова накануне взяла из оленевского фельдшерского пункта справку о том, что она действительно больна и нуждается в полном покое. В назначенный день обвиняемые Ваганова и Калинин были доставлены из Пензенской тюрьмы в здание суда. Началось второе слушание. После оглашения обвинительного заключения, суд решил начать дело допросом обвиняемых.

Страницы следственного дела № 1641. 1937 г.

Протокол допроса Вагановой. «Виновной себя в предъявленном обвинении не признаю. В церкви никакие стихи контрреволюционного содержания не пели. В лес с прихожанками к ключу петь стихи я не ходила, но один раз слышала пение. Калинин был в нашей церкви в 1936 г. Летом приходил «приобщаться». Узнала я Калинина впервые года два тому назад. У меня на квартире он никогда не был и нигде, кроме как в нашей церкви, я Калинина не видела. Никогда в нашей церкви не распевались стихи. От показаний своих, данных на предварительном следствии, отказываюсь. Стишок «Слава, слава Матерь света...» я не знаю. Я не говорила следователю, что в церкви

нашей распевались стихи. Калинин жил в селе Оленевка. Кроме как в церкви я его нигде не видела. При допросе моем 24 ноября в НКВД присутствовал Райпрокурор, я не давала показания тогда, что с разрешения моего в церкви пели стихи, что при этом были Кружнов и Киреева. В 1936 году на Троицу в нашей церкви священник Калинин не пел с верующими контрреволюционных стихов. Приезжая к нам в церковь, Калинин всегда останавливался жить у Киреевой. Придя один раз к Киреевой – просвириле церкви за вином я видела Калинина у нее, но никаких разговоров с ним не вела. Взяла у Киреевой вино и тут же ушла. В НКВД следователь меня допрашивал 15 раз и я, будучи напугана этими допросами, подписала все эти протоколы, хотя следователь НКВД и неверно записал в них мои показания. На последнем допросе присутствовал следователь, а не сам Райпрокурор. Я была тогда больна».

Дополнение Вагановой к ее допросу. «По окончании службы в церкви я уходила раньше священника, он же оставался там. Последним из церкви уходил сторож. Священник Медведев живет в селе Князевка, где находится церковь, а я живу в селе Князев Умет. В селе Соловцовка я была только один раз».

Протокол допроса отца Иоанна. «Никаких доходов я не имел, в церкви диаконом я никогда не служил – был внештатным диаконом. В богослужениях церковных я принимал участие, но редко, когда было свободное время, т. к. я работал сапожником. Образование общее низшее, духовного образования не имею, не судился, одинокий, беспартийный, ур. с. Оленевка, Кондольского р-на Куйбышевской обл., там же и постоянное место жительства. В Пензу приезжал, но очень редко. Приезжал туда к родственникам. В с. Князевка приезжал всего 2 раза «причащаться». Отобранные у меня 900 руб. скоплены во время моего дьяконства в течение 15 лет. Когда я служил дьяконом в с. Оленевке и в Соловцовке, получал по 1 – 2 руб. и откладывал их. Действительно в моей комнате много икон.

Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю. Прозорливым меня никто не считал, да я себя и сам таким не считаю. У меня были люди, но очень мало. Ходили ко мне в келью граждане моего села, а не других сельских местностей. Зачем ко мне приходили граждане я не помню. Просто ходили ко мне поделиться своими несчастьями, горем. Они имели ко мне притяжение, как к человеку скромному, непьющему, ведущему отшельнический образ жизни. Кроме граждан села Оленевка, ко мне заходили и жители села Соловцовка и Князевки. Больше ни из каких сел не были. Я не говорил следователю, что ежедневно у меня было по 3 – 4 человека посетителей. Из с. Борисовка у меня никто не был. Из г. Пензы никто не приезжал. Шканова раньше жила в селе Борисовка, ко мне она приезжала. Из с. Наровчат приезжал ко мне священник Хорошунов.

Из с. Сердобска приезжал Ефим, церковный староста. Из Ермоловки никто не бывал. Петрушина я знаю, но ко мне он не приходил. Из с. Кондоль приходила только одна Евдокия. Пуговкина я видел только в церкви села Соловцовка, но дома он у меня не был. В Безсоновке меня знают почти все. Кучина Павла я знаю: он, будучи почтальоном, приносил мне газеты. Из села Соловцовка у меня была «Варя». Обнаруженная у меня карточка фотографическая Кучина Павла оставлена мне матерью его. Она приносила ко мне эту карточку посмотреть и оставила. Кучина Павла я раньше лечил, когда он болел «кружением». Лечение мое выражалось в том, что я помолился за Кучина. и ему стало легче. В знак благодарности Кучин Павел, будучи в Красной Армии, прислал мне свою фотокарточку. Я молился не только за одного Кучина, но и за других. Я молился вообще за всех. Пиглицину Марию я знаю давно. Она не приходила ко мне и не рассказывала, что был обыск у архиерея. Пиглицина Мария никакого разговора со мной о Советской власти не вела. Со Шкановой я тоже не вел никаких разговоров о Троцком и Каменеве и ничего не рассказывал. В с. Князевка я служил только 2 раза, служил дьяконом и в с. Соловцовка. В моем присутствии в 1936 г. на Троицу в церкви никто не пел к/р стихов. Служил я в этой церкви на Троицу 1936 г. действительно. Разговор с Леонтьевым о колхозах был, но я не высказывался тогда против колхоза.

Когда я приезжал в Князевку служить дьяконом на Троицу в 1936 г. священником был Медведев, он и являлся хозяином церкви, я же был человек приезжий и не мог давать никаких разрешений на пение к/р стихов. Я вообще не слышал их».

Суд удалился для вынесения приговора. Затем отцу Иоанну было дано последнее слово. Тогда он встал и сказал: «Я ни в чем не виноват».

19 марта 1937 года выездная сессия спецколлегии Куйбышевского областного суда, рассмотрев на закрытом заседании в г. Пензе дело по обвинению Вагановой Дарьи Герасимовны и Калинина Ивана Васильевича, исследовав материалы предварительного следствия, заслушав показания свидетелей и объяснения подсудимых, признала виновность Вагановой и Калинина в преступлении по ст. 58-10, ч. 1 УК.

«Преступление Вагановой выразилось в том, что она, будучи в течение ряда лет церковным старостой в церкви с. Князе-Умет Кондольского р-на, использовала свое положение церковного старосты для антисоветской агитации среди верующих путем организации пения в церкви и других местах стихов, по своему содержанию направленных против Советского государственного строя, к возбуждению недоверия к Советской власти. Распевание таких антисоветских стихов маскировалось тем, что наряду с ними пелись стихи и религиозного характера, причем пение в церкви производилось в то время, когда не было отправления религиозного обряда. Распевавшиеся

стихи, являвшиеся по своему содержанию антисоветскими, вместе с тем, были направлены к пропагандированию религиозного дурмана. Фактически преступления имели место в июне, июле и августе 1936 года в церкви села Князе-Умет, на похоронах в доме Паниной Агафьи, в дер. Танеевка* и в 1933 г. в лесу у родничка. Для проведения пения антисоветских стихов Ваганова использовала наиболее отсталых женщин пожилого возраста: Удалову Марию, Удалову Пелагею и др.

Преступление Калинина выразилось в том, что он являлся единомышленником Вагановой в части использования наиболее отсталых верующих женщин для антисоветской агитации и пропаганды религиозного дурмана в форме распевания в церкви антисоветских стихов и песен, кроме того, Калинин, проживая в селе Оленевка Кондольского района, используя отсталые элементы, распространил о себе слухи как о «прозорливце», «старце», а посещение его квартиры верующими ряда сел, служило ему возможностью для личного обогащения и для возбуждения недоверия к советскому строю в форме высказывания антисоветских убеждений и предположений на будущее время. Преступления Калинина относятся к 1935 – 1936 гг.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 319, 320, 326 УПК Суд приговорил:

Ваганову Дарью Герасимовну и Калинина Ивана Васильевича на основании ст. 58-10, ч. 1 УК подвергнуть лишению свободы сроком на 6 лет каждого и дополнительно, на основании ст. 34 УК, применить поражение в правах по пункту «а» ст. 31 УК на 5 лет каждого. В срок наказания зачесть предварительное заключение Вагановой с 29 октября 1936 г. и Калинину с 28 ноября 1936 (не зачли период заключения в Кондольском арестном доме – прим. авт.) – обоим по день суда. Мера пресечения Вагановой и Калинину оставить прежнюю – содержание под стражей. Приговор может быть обжалован в Спецколлегия Верховного суда РСФСР в течение 72-х часов с момента вручения осужденным копий приговора.

Наконец, приведем отрывок из стиха-канта, который пели в церкви села Князевка, и который стал главной уликой против верующих:

Завладел сердцами многих дух нечистый древний змей,
Табакком зловецким тяжким пропитал сердца людей.
Стран почти уж не осталось, где мы славили Христа,
И завет крестьянства топчет грубая советская пята.
Все голодны люди стали и о хлебе лишь твердят,
И с коварством и со злобой друг за другом все следят.
Люди плачут, люди стонут, а в храмы Божии не идут.
Перед Богом с покаяньем слезы теплые не льют.

* Близ села Танеевка существовал так называемый Громовой родник, особо почитаемый жителями Князевки и соседних селений. По преданию родник появился от удара молнии и был освящен в честь Николая Чудотворца. 22 мая на «Николау Вёшнего» верующие ходили на родник крестными ходами.